

—

Спустя много лет Лян Чэнъянь, вспоминая этот день, невольно задавался вопросом: как бы всё сложилось, если бы тогда он повел себя как благородный муж, соблюдающий приличия, и отверг просьбу Цзян Цяо?

Он не мог этого представить, потому что никогда не был «благородным мужем» в строгом смысле слова.

Даже Лян Чэнъянь, при всей своей выдержке, на мгновение оцепенел после слов Цзян Цяо.

Ему доводилось слышать двусмысленные слухи о балетной среде. Поговаривали, что во избежание чрезмерной зажатости и скованности мышц перед выходом на сцену, что могло испортить выступление, партнеры по танцу иногда «помогали» друг другу расслабиться. И эта «помощь» включала в себя, помимо прочего, секс.

Лян Чэнъянь ничего не смыслил в балете и до этого момента не испытывал ни малейшего интереса к изучению того, правда это или вымысел.

Если бы сегодня с подобной просьбой к нему обратился любой другой студент отделения балета или кто угодно еще, он бы не удивился. Но перед ним стоял Цзян Цяо — признанный гений и гордость университета.

Формально он не был знаком с Цзян Цяо, и всё, что он о нем знал, основывалось на чужих оценках: «холодный», «отстраненный», что полностью соответствовало его прозвищу «высокогорный цветок».

В представлении Лян Чэнъяня, Цзян Цяо должен был быть человеком с очень жесткими личными границами. Интуиция подсказывала ему, что Цзян Цяо не из тех, кто разбрасывается «приглашениями» в адрес незнакомцев.

Это крайне его поразило и одновременно заинтриговало.

Лян Чэнъянь пытливо всмотрелся в лицо Цзян Цяо, словно проверяя искренность его слов. Он обнаружил, что взгляд парня был абсолютно прямым, без тени шутки.

Цзян Цяо даже поторопил его:

— Твой ответ?

«А он спешит», — Лян Чэнъянь невольно усмехнулся и с нескрываемым интересом спросил:

— И как мне помочь?

Пока они смотрели друг на друга, Цзян Цяо внешне казался спокойным, но на самом деле даже кончики его пальцев на ногах были напряжены. Услышав вопрос Лян Чэнъяня, не похожий на отказ, он почувствовал, как туго натянутая струна внутри него невольно ослабла, а затем снова напряжилась. Это было странное, незнакомое чувство.

Он не мог понять, чего хотел больше: чтобы тот отказал или чтобы согласился. Ему оставалось лишь изо всех сил скрывать внутреннее волнение, стараясь сохранить инициативу в этой спонтанной игре.

Его взгляд скользнул по сигарете в руках Лян Чэнъаня, и он снова поднял глаза:

— Ты курил?

— Нет, — Лян Чэнъань, заметив промелькнувшее в его глазах неприятие, с улыбкой пояснил:
— Честное слово, нет. Я не успел её зажечь, как пришел ты.

С этими словами он выбросил сигарету в стоявшую рядом урну и спросил:

— Могу я узнать, почему ты выбрал меня?

Почему именно его?

Цзян Цяо нахмурился. Он не знал, как объяснить свой минутный порыв, и не собирался это обсуждать. Это была случайность, рожденная под давлением эмоций. Раз парень не может ответить прямо, то и продолжать не стоит.

Цзян Цяо решил разрубить этот узел одним махом:

— Раз ты не хочешь — забудь. Считай, что этого разговора не было. Прощай.

Лян Чэнъань:

— Ха?

Цзян Цяо, не дожидаясь реакции, развернулся и зашагал прочь еще быстрее, чем пришел.

Когда он уже потянул на себя дверь запасного выхода, поперек дверного проема внезапно легла рука. Лян Чэнъань уверенно накрыл ладонью щель и с силой захлопнул дверь обратно.

От этого резкого движения погасшая лампа с датчиком движения снова вспыхнула.

Над головой Цзян Цяо раздался смешливый голос Лян Чэнъаня:

— Почему ты такой нетерпеливый? Я ведь не говорил, что не помогу. Вчера я и вовсе сам предлагал тебе помощь, забыл?

Он имел в виду случай в супермаркете, когда Цзян Цяо отверг его предложение оплатить покупку. Кто бы мог подумать, что теперь Цзян Цяо сам попросит его о помощи — жизнь порой подкидывает удивительные повороты.

Они стояли очень близко. Со стороны казалось, что Лян Чэнъань почти обнимает Цзян Цяо со спины. Его рука, упиравшаяся в дверь, слегка щелкнула защелкой замка.

Этот тихий звук «па-да» в ушах Цзян Цяо прозвучал громче, чем аплодисменты в зале. Словно удар барабанной палочки прямо по сердцу.

Он выбежал в спешке, не захватив верхнюю одежду, и на нем была лишь тонкая сценическая рубашка. Лян Чэнъань стоял так близко, что их тепло почти вошло в резонанс. Пальцы Цзян Цяо, сжимавшие ручку двери, мгновенно напряглись — он был в растерянности.

Нельзя сказать, что он никогда не был в такой близости с другими людьми; напротив, работа с партнерами по танцу подразумевала куда более тесный контакт.

Но здесь всё было иначе.

Лян Чэнъань сейчас источал пугающую уверенность хищника, который сорвал с себя маску благопристойности. Он не собирался отпускать «добычу», которая сама разожгла в нем интерес, а потом решила сбежать на полпути.

Он обхватил Цзян Цяо за талию, накрыв его гибкую талию ладонью, и тихо спросил:

— Как именно мне помочь? Я с радостью.

Тепло ладони через тонкую ткань обожгло кожу. Цзян Цяо почувствовал, как по пояснице пробежал легкий разряд тока — не больно, но томительно сладко. Это был совершенно новый опыт.

Он чувствовал силу руки, обнимавшей его, и слышал мощное, ровное сердцебиение Лян Чэнъаня, прижавшегося к его спине.

— Поцелуй меня.

В тот момент, когда свет ламп снова погас, Цзян Цяо услышал свой голос — четкий и решительный:

— Лян Чэнъань, я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

— Это честь для меня.

Лян Чэнъань больше не колебался. Он развернул Цзян Цяо к себе и в темноте безошибочно нашел его губы.

Это был первый поцелуй Цзян Цяо. Губы Лян Чэнъаня были горячими, а сам поцелуй — вовсе не таким вежливым и мягким, каким казался сам парень. В нем чувствовался напор и властное нежелание принимать отказ.

Это ощущение «вторжения» поначалу было непривычным, но за ним последовал неопишуемый всплеск эмоций. Дофамин, как нейромедиатор, в этот миг на полную мощь включил все системы организма.

Цзян Цяо даже начал инстинктивно отвечать, неумело пробуя на вкус губы Лян Чэнъаня кончиком языка.

Почувствовав ответ, Лян Чэнъань на мгновение замер, а затем стал требовать еще больше.

Одной рукой он придерживал затылок Цзян Цяо, чтобы тот не ударился о дверь, а другой прижимал его за спину, заставляя прильнуть к себе еще плотнее.

Цзян Цяо пришлось запрокинуть голову. Тихие звуки, срывавшиеся с его губ, тут же поглощались партнером. Спина покрылась легкой испариной; ему не было холодно — напротив, тело горело.

За дверью шумело закулисье и гудел зал, лампы то зажигались, то гасли, а темная лестничная клетка казалась отдельным измерением, где не существовало ничего, кроме их переплетенного дыхания.

Прошло много времени или всего мгновение — трудно было сказать.

На пиджаке Лян Чэнъяня остались заломы от вцепившихся в него пальцев.

Он слегка отстранился, продолжая поддерживать Цзян Цяо за шею, и прошептал:

— Ну как, теперь достаточно расслабленный?

«...» Цзян Цяо тяжело дышал, к нему медленно возвращалось самообладание.

Немного успокоив дыхание, он произнес:

— Достаточно. Не размажь мне грим.

Лян Чэнъянь: «...» Он готов был поклясться, что услышал в голосе Цзян Цяо нотки пренебрежения.

Договорив, Цзян Цяо оттолкнул всё еще обнимавшего его Лян Чэнъяня и холодно добавил:

— Спасибо. Мне пора идти готовиться.

Секунду назад они сливались в страстном поцелуе, а теперь Цзян Цяо снова превратился в отстраненного незнакомца. Такая скорость переключения заставила Лян Чэнъяня удивленно приподнять бровь:

— И это всё?

— А что еще? — Цзян Цяо недоуменно посмотрел на него. — Мы оба взрослые люди. Ты не остался в убытке.

Он говорил это так веско и логично, что в ушах Лян Чэнъяня это прозвучало даже как-то самоуверенно.

«Взрослые люди».

Лян Чэнъянь мысленно смаковал это выражение. Если память ему не изменяла, Цзян Цяо поступил в Цинда сразу после второго класса старшей школы и в этом году ему только-только исполнилось восемнадцать.

Эта его фраза про «взрослых людей» показалась Лян Чэнъяню до чертиков милой.

Словно внезапно открыв в Цзян Цяо скрытую грань, Лян Чэнъянь весело усмехнулся:

— Ты прав. Мы же взрослые люди.

Он шагнул вперед, отпер дверь и галантно открыл её перед Цзян Цяо:

— Желаю успешного выступления.

— Спасибо, — ответил Цзян Цяо. Непонятно, за что именно: за пожелание или за недавнюю «помощь». В любом случае, он поблагодарил — значит, никто никому ничего не должен.

Они один за другим покинули лестничную клетку.

Вернувшись на свое место в зале, Лян Чэнъянь столкнулся с вопросом Чжоу Вэньяна: где он пропадал так долго?

Опершись на спинку кресла, Лян Чэнъань непринужденно ответил:

— Ходил помогать ближнему.

— Занимался добрыми делами на ночь глядя? Ты очень занят, бро! — Чжоу Вэньан ничего не заподозрил. — Слушай, ты пропустил кучу крутых номеров.

Лян Чэнъань равнодушно отозвался:

— Главное, что не пропустил самое интересное.

Сидевший рядом студент вклинился в разговор:

— Ребята, говорят, чем дальше, тем круче программа. Слышали про Цзян Цяо? Видели видео с репетиции на форуме? Я тут сижу только ради его выхода под конец!

— М-м, видел, — Лян Чэнъань, вспомнив фразу про «взрослых людей», невольно хмыкнул. — Он очень силен.

— О? — Чжоу Вэньан по этой короткой усмешке заметил, что друг в отличном настроении. — Что-то случилось? Ты кажешься довольным!

— Встретил одного очаровательного маленького лебедя, — полуправдой ответил Лян Чэнъань.
— Ласковый и холодный одновременно, совершенно непредсказуемый.

— Лебедя? — опешил Чжоу Вэньан. — Ты что, посреди ночи потащился на Лебединое озеро?

В западной части кампуса Цинда было озеро с таким названием, где жили лебеди — местная достопримечательность. Но актовый зал находился в восточной части, и путь туда был неблизкий.

Лян Чэнъань не стал объяснять:

— Никуда я не ходил. Просто встретил одного, который заблудился.

— Ты что, любишь лебедей? Раньше не замечал, — удивился Чжоу Вэньан.

— Раньше не доводилось сталкиваться. Давай лучше смотреть концерт, — Лян Чэнъань парой слов закрыл тему. Ему совсем не хотелось делиться пережитым с кем-то еще.

Он размышлял о том, каковы были бы его шансы на успех, если бы он прямо сейчас попросил у Цзян Цяо WeChat. И тут же, вспомнив поведение парня, пришел к выводу, что шансы на успех равны нулю.

Лян Чэнъань и подумать не мог, что когда-нибудь его так быстро отправят в «отставку», но это казалось ему чертовски забавным.

Он с нетерпением ждал выступления.

В программе было пятнадцать номеров, а всё шоу было рассчитано на три часа. По мере того как выступления сменяли друг друга, ажиотаж в зале только рос.

Когда закончился тринадцатый номер, на сцену вышел ведущий. После краткого вступления он воодушевленно объявил:

— ...А теперь давайте насладимся сольным танцем студента отделения балета Академии искусств, Цзян Цяо — «Лебедь»!

В тот миг, когда ведущий замолк, сердце Лян Чэньяня пропустило удар, и его взгляд был прикован к сцене

В зале воцарилась абсолютная тишина. Зазвучала музыка. Свет, подобный чистому и холодному лунному сиянию, залил сцену, словно окутав её серебристой вуалью.

Из-за кулис появилась белая фигура и легким, безупречным прыжком влетела в этот лунный свет.

От автора:

Лян Чэньянь: Он сказал, что я не остался в убытке... Я в этом не убеждён.

Цзян Цяо: ??

—

<http://bllate.org/book/17598/1636117>